

Часть первая

ЛИСЫ ПЕРВОБЫТНОЙ ТЬМЫ

Глава 1

На холме, в излучине реки, петлявшей среди равнин, раскинулся Лес Трех Ветров. Лисьи Духи, издревле обитавшие здесь, знали, что холму несчетное количество лет; и хотя с тех пор, как волки покинули эти края, фермеры селились все ближе к Лесу Трех Ветров, каменистые склоны по-прежнему оставались нетронутыми. На вершине холма лес был невероятно густ, так что тонким, слабым дубкам и диким сливам приходилось сражаться друг с другом за пространство и солнечный свет. Но на склонах часто встречались усеянные колокольчиками прогалинки, покрытые мягким травянистым ковром, поросшие папоротником и хвощом; иногда посреди такой полянки возвышалось одинокое деревце. Чашу населяли лесные голуби, барсуки, серые белки и лисы. Хотя О-ха родилась не в Лесу Трех Ветров, но осенью, в пору, когда молодняк расстается с родителями, она перебралась на древний холм.

На глинистом откосе, на самой опушке, она отыскала старую нору. О-ха пришлось поработать когтями, чтобы подновить жильё, расширить коридор и спальню. Впрочем, подобно большинству лис, она не слишком радела об удобствах и уюте. Ей нужно было сухое, теплое и безопасное место, где она могла бы спокойно выспаться, уверенная, что ее никто не побеспокоит, — вот и все. Правда, О-ха облюбовала эту нору еще и потому, что ее привлекли простые, прямые ходы этого подземного жилья. Однако особой опрятностью лисица не отличалась, и все ее заботы о чистоте и порядке сводились к одному — она вышвыривала из спальни наружу объедки и прочее и складывала все у самого входа. Да и такой уборкой О-ха занималась без особого рвения, горько вздыхая: досадно тратить время на скучные житейские хлопоты, тогда как мир ждет

от нее великих свершений. Что ж, она была истинной дочерью своего племени. Лисы готовы без конца вылизывать собственную шубу, но во всем, что касается жилища, они неисправимые неряхи.

Вход в нору, напоминающий своими очертаниями миндальный орех, находился у подножия могучего дуба, крепкие узловатые корни которого служили норе надежным прикрытием. Ветви дерева склонялись чуть ли не до земли, и, стоило подуть даже слабому ветерку, их подвижные тени делали почти незаметным вход в жилище О-ха. К тому же сплетения корней прорезали всю почву вокруг, и, чтобы обнаружить нору, чужак должен был оказаться на уровне отверстия. Так что любой враг, попытавшийся отыскать укромное логово лисицы, был бы неминуемо сбит с толку.

По другую сторону от входа, на бархатистой подстилке звездчатого мха, росла ольха. Осенью с ее ветвей сыпались маленькие черные шишечки. Соседство с огромным дубом пошло ольхе не на пользу: она постоянно оставалась в тени и лишенная солнечного света ветви не могли раскинуться вширь. Почему-то к стволу ольхи были прибиты остатки проволочной изгороди, и в теплые дни, когда блохи особенно досаждали О-ха, она с удовольствием скреблась спиной о проволоку.

О-ха уже превратилась во взрослую лисицу, у нее была смышленная острая мордочка, а блестящая шкурка отливала, в зависимости от освещения, то рыжевато-красным, то дымчато-серым. Расположения юной красавицы настойчиво добивались по крайней мере три самца. О-ха остановила выбор на своем ровеснике: в глазах молодого лиса сверкали веселые огоньки и голову он так обаятельно склонял набок, что у О-ха начинали дрожать лапы.

— Все другие лисицы и когтя твоего не стоят, — часто повторял ей А-ран. — Ты самая шустрая, проворная, и вообще... Слишком долго объяснять. Стоит мне взглянуть на тебя, у меня голова идет кругом.

Они стояли утопая в сухой листве, когда она сообщила А-рану, что он стал ее избранником. От радости молодой лис осыпал ее целым дождем листьев. В тот день небо над лесом было на удивление изменчивым — по нему мчались рваные тучи, и тени их наполняли лес живыми бликами и отсветами. О-ха и А-ран выскочили на простор, на продуваемые ветром луга. Казалось, они одни во всем мире. Глаза А-рана светились странным возбужденным блеском — в них словно отражалась необычайная игра света и тени.

А-ран был настроен романтично и того же требовал от подружки, но О-ха считала себя серьезной и рассудительной лисицей — она могла бы назвать добрую дюжину причин, разумных и веских, по которым выбрала именно А-рана. Им нравилось валяться в теплой влажной траве, ласково покусывая друг друга. Пора настоящей любви еще не пришла, но взаимные прикосновения возбуждали их. Каждый подробно изучил тело другого: на носу у молодой лисицы виднелись царапинки, а на правом ухе А-рана недоставало крошечного клинышка — все это были памятки охотничьих игр с братьями и сестрами. Еще О-ха обнаружила на боку своего друга белую полосу, узенькую, необычайно привлекательную, а он заметил, что шерсть у нее на мордочке блестит и лоснится. И почти все, что они находили друг в друге, казалось им особенным, неповторимым и достойным восхищения.

А-ран изменил имя и звался теперь А-хо, — в соответствии с древней лисьей традицией имя лиса должно в зеркальном отражении повторять имя его подружки. Оба были так молоды, что жизнь представлялась им сплошной чередой занимательных открытий. Они поведали друг другу, что происходят из хороших семей: выяснилось, что родители у обоих были достойными лисами, неглупыми и здравомыслящими, но, разумеется, им не хватало той ясности ума, глубины суждений и широты взглядов, которыми столь щедро была наделена молодая чета.

— Конечно, для своего времени они вполне годились, — великодушно заметил А-хо. — Да только время их давно ушло. Мир сейчас совсем не тот, что несколько зим назад. Взять хотя бы охоту...

Они лежали в норе, тесно прижавшись друг к другу, и делились своими наблюдениями и соображениями — каждый наконец-то нашел собеседника себе под стать. Порой О-ха принималась облизывать нос лиса, а он клал голову на ее хрупкое плечо, зарываясь в мягкий пушистый мех. Оба были счастливы и вполне довольны обществом друг друга.

— Тебе нравится, как пахнут сосновые иголки? — спрашивала О-ха.

— Сосновые иголки? Еще бы! Дивный запах. Никогда не упускаю случая их понюхать. Да и смола тоже отлично пахнет.

— Да, да, ты прав, смола тоже...

И оба в который раз принимались удивляться, что их вкусы и пристрастия так замечательно сходятся. Как здорово, что они

О-ха уже превратилась во взрослую лисицу, у нее была смысленная острая мордочка, а блестящая шкурка отливала, в зависимости от освещения, то рыжевато-красным, то дымчато-серым.

нашли друг друга, как здорово, что оба любят запах сосновых иголок... особенно весной.

— Лучшего времени, чтобы всласть подышать сосной, не найдешь, это уж точно.

Была ли еще на свете пара лис, которые так подходили друг другу? Существовало ли столь неколебимое единство мнений? Нет, в столь юном возрасте нечасто встретишь подобную мудрость, наблюдательность и трезвый расчет, а ведь они оба к тому же полны жажды новых знаний. Конечно, их встреча — это настоящее чудо. В этом молодые супруги тоже были вполне согласны.

— Только перед другими хвалиться ни к чему, — предусмотрительно заявил А-хо.

Осень оказалась для молодой пары восхитительным временем. В чистом, прозрачном воздухе все запахи ощущались особенно остро, и охота неизменно приносила удачу. Лисы почти не разлучались. Но вот в травах задул Завывай, принося с собой холод, и им пришлось чаще покидать нору поодиночке.

Зима перевалила за середину. Ни единого дуновения не ощущалось в жгучем морозном воздухе.

Уже несколько дней А-хо не отходил от подруги ни на шаг, и возбуждение его все возрастало — об этом говорил хвост, который лис держал высоко, словно пушистый вымпел. О-ха прекрасно понимала, что с ним творится, но иногда раздражалась — уж слишком настойчиво он прижимался к ней, не давая двинуть лапой. Он не сводил с нее блестящих беспокойных глаз. Такое неотвязное внимание, даже со стороны самого красивого и умного лиса на свете, ей порядком поднадоело. Впервые между ними возникла натянутость, — казалось, им тесно вдвоем в норе. В О-ха тоже просыпалось желание, но нетерпеливый А-хо опережал события, и как-то раз, когда он захотел близости, она остудила его пыл, чувствительно куснув в бок. Смущенному лису пришлось отскочить ни с чем.

Однако настал день, когда по телу лисицы разлилась приятная сладкая истома, — она сама ощущала, что от нее исходит благоухание, дивный аромат, который превратил блеск в глазах А-хо в жаркое пламя. Она ждала, а он ходил за ней тенью, и каждое его движение было исполнено желания.

Внезапно О-ха вскочила и бросилась к выходу; она лизнула собственный нос, проверяя по лисьей привычке, не принесет ли ветер запаха опасности, и, убедившись, что все спокойно, вы-